

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

ПЕСНЯ МЕРТВЫХ
ПТИЦ

*Захватывающий роман-загадка
от автора бестселлера «Кофейня»*

Вячеслав Прах
Песня мертвых птиц
Серия «Храм мотыльков», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40739147
Песня мертвых птиц : [роман] / Вячеслав Прах: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113809-7

Аннотация

На языке директора психиатрической лечебницы «пение мертвых птиц» значит «тишина», которая так нужна ему, и которую он так трепетно бережет в стенах своего мрачного кабинета. И вот однажды утром песню мертвых птиц прерывает весть о самоубийстве мирного, ничем не примечательного пациента... Спустя некоторое время в палате погибшего начинают происходить необъяснимые вещи.

Вячеслав Прах

Песня мертвых птиц

*Посвящаю Вадиму Чекунову и Анастасии
Калябиной*

1

– Доброе утро, директор, – поприветствовал доктор Стенли сидящего в кресле мужчину средних лет с седыми короткими волосами и серыми матовыми глазами, который курил толстую сигару и смотрел задумчиво в окно.

В кабинете директора стоял рабочий стол коричневого цвета, на столе расположилась стопка папок с самыми разными историями болезней, начиная с обыкновенной депрессии и заканчивая гебефренической шизофренией. Слева от папок лежал лист бумаги, на котором было написано «Миссис Норис» и «4». Справа стоял черный стационарный телефон. В кабинете не было ни одной фотографии, ни одного

цветка, даже искусственного. Были письменный стол, черное кресло, на котором директор сидел, сгорбившись, пуская густые клубы дыма, и небольшой шкафчик справа около окна, в котором висели осенний тонкий плащ, белый докторский халат и стояли черные ботинки на низкой подошве.

Рост директора был примерно метр восемьдесят – метр восемьдесят два. Телосложение плотное. Этого крепкого, коренастого мужчину сдвинуть с места мог бы, наверное, только бульдозер.

– Доброе утро, – сказал без особой радости человек в кресле, перевел взгляд на вошедшего старика и потушил сигару в пепельнице. Не любил он, когда его отвлекали от курения. Клубы дыма позволяли мужчине концентрироваться, уходить в себя и даже в какой-то степени смаковать те редкие минуты тишины, которые можно было провести только наедине со старой подругой – сигарой, не задававшей глупых вопросов, не отвлекавшей его по пустякам, не умевшей мыслить и озвучивать свои мысли. Для директора объект, который не озвучивал свои мысли, был самым прелестным в мире творением. Одушевленным или нет – какая разница! Что ваза из-под цветов, что милый тихий дворник, который, кроме того, чтобы подметать двор, ни на что другое не годился, были одинаково очаровательны и прекрасны. Ведь этим двум созданиям была присуща одна и та же черта – не делиться собственными мыслями и не отягощать своим присутствием окружающих.

Мужчине с жесткой двухдневной щетиной на вытянутом лице нравилось, когда о нем все забывали. Когда его не трогали по любому поводу и не мешали сидеть в темноте и наблюдать за первыми лучами солнца вместе со своей верной подругой, которая, как и человек, обладавший ею, любила тишину.

Для вошедшего в кабинет главврача тишина никогда не была чем-то святым, и любую паузу доктор Стенли всегда пытался заполнить связным или бессвязным набором букв.

– Произошло самоубийство, – сказал доктор Стенли. Такого директору от него никогда еще не доводилось слышать.

Мужчина резко нахмурил брови, словно в этой фразе было что-то непонятное, а затем быстро переспросил:

– Самоубийство?

– Именно, директор. Пациент покончил с собой, бросившись в открытое окно.

– Миссис Норис? – хозяин кабинета подскочил со своего места и быстрым шагом направился к главврачу, чтобы хорошо видеть его глаза. Директору всегда было комфортно разговаривать, пристально всматриваясь в глаза своего собеседника. Это было для него неким ритуалом.

Глаза, по мнению директора, не умели скрывать. Только нагло лгать!

– Нет, не миссис Норис, – осторожно ответил доктор Стенли, чьи маленькие зелененькие глазки тут же забегали, когда в них заглянул директор.

Не любил доктор Стенли такого тесного контакта. Серые настойчивые глаза давили на доктора изо всех сил.

– Это другой пациент. Не такой любопытный, как миссис Норис. – Главврач сделал особый акцент на слове «любопытный», так как его собеседника могли заинтересовать только особые, редкие случаи. Обыкновенный психоз, раздвоение личности и ряд самых различных человеческих фобий (начиная от никтофобии – боязни темноты – и заканчивая светобоязнью) директора не интересовали в принципе, и данные случаи он всегда охотно взваливал на своих подчиненных. Нередко и на плечи самого доктора Стенли.

– Это я понял. Говорите по существу, Стенли.

– А по существу, данный пациент страдал циркулярной депрессией.

Директор перевел взгляд с хитрых бегающих глазок на неподвижную стену перед собой, а затем развернулся к свету.

Циркулярная депрессия, по его мнению, как болезнь не представляла никакого научного интереса. Так как половина населения время от времени страдает от такой депрессии.

В этом приторможенном состоянии, в котором больной перестает различать всякие цвета жизни, мир для него абсолютно бесцветен, безвкусен, как стакан обыкновенной воды. Человек становится заложником своего настроения, его душевное равновесие может нарушить обыкновенный дождь или любая мелочь, которая ему не понравится. Например,

лечащий врач недостаточно приветлив с ним!

При циркулярной депрессии больной перестает видеть смысл в своем существовании, видя все в сером цвете, эту болезнь директор воспринимал как юношескую.

– Несерьезная причина, чтобы покончить с собой, – смело заявил директор. И если бы данное заявление сделал кто-то другой, а именно – его подопечный, то доктор Стенли изо всех сил впился бы в горло своему собеседнику и начал бы высасывать из него всю кровь.

Вместо этого главврач глубоко вдохнул, выдохнул, а затем сказал спокойным голосом.

– Циркулярная депрессия, директор. Разве не достаточный повод для самоубийства?

– Нет! – тут же отрезал директор, который разговаривал со своим собеседником, стоя к нему спиной. – Если бы это был повод, то большинство подростков покончили бы жизнь самоубийством, не дожив и до шестнадцати лет, не говоря уже о взрослой части населения, которая терпеть не может свою проклятую работу и начальника, который выжимает все соки.

– Но ведь это абсурд – пренебрегать известными фактами, а именно: заболеванием пациента. Я принес вам отчет...

Директор повернулся к своему собеседнику, взял отчет и вернулся на прежнее место. Зажег сигару и начал внимательно изучать корявый и неровный почерк своего заместителя. От этого непонятного «забора» из слов он недовольно скри-

вился.

Доктор Стенли растворился в тишине, так как прекрасно знал, что начальника отвлекать от мыслей порой опасно. И что в его сторону может прилететь какой-нибудь тяжелый предмет.

Такие случаи уже бывали с докторами, но только не с уважаемым стариком, доктором Стенли, который лично присутствовал, когда строили эту лечебницу, и который, скорее всего, лично проводит ее в «последний путь». Когда, по возможным причинам, от нее останется только пепел, он сам станет пеплом. Ведь другая крыша над головой для него – не дом, а лишь комната, в которой можно переночевать и вернуться домой.

Директор, которому густой едкий дым бил в ноздри, читал врученный ему отчет и думал, что нужно как можно скорее попасть в комнату самоубийцы до того, как приедет полиция. Зачем? Да потому, что он хотел лично осмотреть комнату, убедиться в том, что это действительно самоубийство и что этого несчастного пациента, страдающего болезнью колких юношеских лет, не выбросили из окна против его воли.

– Но это невозможно... – запротестовал доктор Стенли. – Инспектор полиции приказал, чтобы до его приезда никто не заходил в комнату Эриха.

– Вы вызвали полицию, даже не посоветовавшись перед этим со мной? Меня нет, доктор Стенли? Вы сейчас обра-

щаетесь к пустому креслу?

– Но вы сами попросили меня в экстремальных ситуациях принимать решения самостоятельно и не отвлекать вас от важных дел. Вот я и...

– Разве самоубийства в нашей лечебнице происходят так часто, что можно меня по таким пустякам не отвлекать?

– Нет, директор. Я вызвал полицию, написал отчет и первым делом прибежал к вам.

– Сколько времени прошло с того момента, как вы вызвали инспектора?

– Не больше пятнадцати минут.

– Значит, успеем, – решительно заявил директор, встал со стула, оставив сигару тлеть в пепельнице, и в спешке выбежал из кабинета.

Он совершенно не понимал своего заместителя, считая характер доктора Стенли непостижимым.

* * *

Директор вошел в маленькую, но светлую палату, больше напоминавшую келью, в которой прежде обитал Эрих Бэль, расположенную на последнем, четвертом этаже второго корпуса здания больницы.

Комната была метров десять – двенадцать. Кроме кровати и маленького бежевого комода, на котором давно потрескалась краска, здесь не было больше ничего. На комоде сто-

ял магнитофон, пачка овсяного печенья, белая чашечка с каким-то осадком темного цвета. Скорее всего, на дне ее застыли остатки кофе.

Кровать была аккуратно заправлена, возле нее стояла пара желто-синих кроссовок, не самых качественных, но не рваных и не потрескавшихся.

На коричневом покрывале лежал небольшой клочок бумаги. Директор подошел, но не спешил брать его в руки. Затем он открыл комод, осмотрел его, снова закрыл. После этого мужчина, ни с того ни с сего, встал на колени и заглянул под кровать.

Доктор Стенли молча недоумевал, наблюдая за ним.

– Что вы ищете, директор?

– Вы трогали этот листок, доктор Стенли? – проигнорировав его вопрос, спросил седоволосый мужчина с короткой стрижкой, шея которого была сильно напряжена.

– Нет. Я ничего здесь не трогал и вам не советую до приезда полиции.

Директор еще раз осмотрелся по сторонам в поисках чего-либо достойного внимания, принял себя и только после этого подошел к открытому окну, в которое выпрыгнул Эрих Бэль.

Высоко. Достаточно высоко, чтобы, переломав себе шею, ноги и еще что-нибудь, не остаться после такого падения в живых.

Внизу на асфальте было красное пятно. Самого пациента

на улице не было.

– Что скажете? – спросил доктор Стенли, стоя на пороге комнаты, не осмеливаясь зайти внутрь и что-либо там потрогать. Он боялся полиции и всегда вел себя как примерный и тихий гражданин.

– А что вы хотите, чтобы я сказал, Стенли? – обернулся к нему его начальник. – Где труп пациента?

– Его оставили до приезда полиции в свободной палате номер девять на первом этаже.

– Хорошо, – задумчиво кивнул директор, а затем еще принюхался.

– Что вы постоянно нюхаете?

– Вы мне сказали, когда мы шли по коридору, что окно в комнате было закрыто, когда обнаружили труп пациента внизу, на асфальте, так?

– Ну да. Но это ведь легко объяснить, не нужно быть полицейским, чтобы понять, что его закрыл порыв ветра.

– Это да, – согласился директор. – Но...

В этот самый момент вошли двое полицейских в форме.

– Здравствуйте. Полиция города М... Прошу ничего не трогать и немедленно покинуть комнату, пока мы не позовем вас внутрь.

– Конечно, – любезным голосом отозвался доктор Стенли.

– Вас это тоже касается, – обратился к директору старший. Это был широкоплечий молодой мужчина лет тридцати пяти

с каменным лицом и холодным взглядом. Его напарник был намного ниже и менее разговорчив.

– Я директор этой лечебницы и хотел бы...

– Мне все равно, директор вы или уборщик, прошу вас покинуть комнату, – сказал полицейский непоколебимым голосом.

Директор молча вышел следом за доктором Стенли и еще раз демонстративно принюхался, словно в насмешку над железным человеком.

– Вы не договорили, – напомнил ему главврач, когда они вышли в коридор и встали возле двери палаты.

– А вы читали эту записку, Стенли? – вдруг спросил его начальник.

– Нет. Я ничего не трогал в палате.

– А как думаете, что там?

– Представления не имею, но могу предположить, что это предсмертная записка.

– Да. Я тоже думаю, это она, – кивнул директор. Ни один мускул его лица не был напряжен в отличие от шеи, на которой пульсировали толстые, как канаты, вены.

– Почему? Вы смогли прочесть что-то?

– Только слово «сожалею», но дело не в этом. Просто без этой записки полиция могла бы засомневаться в том, что это самоубийство. А с запиской – все замечательно. Нет ни малейших причин думать иначе.

– Вы думаете иначе?

– Я не думаю, Стенли, и вам не советую увлекаться этим бессмысленным занятием. Я смотрю на факты и делаю выводы. А думать – это не мое, пусть думает полиция.

Из комнаты вышел тяжеловес-полицейский и попросил докторов зайти.

– Кто обнаружил пациента?

– Дворник, – сказал доктор Стенли, пытаюсь заставить свои глазки не бегать из стороны в сторону при разговоре с этим крайне серьезным человеком с пронзительным взглядом. – Он незамедлительно поставил в известность докторов.

– А кто первым вошел в комнату?

– Я, – нерешительно сказал доктор Стенли. Словно задумавшись после заданного вопроса: «А почему и вправду я сюда вошел?»

– Зачем? – вопросительно посмотрел мужчина, который давил на доктора своим взглядом. И, несомненно, раздавил бы его, если бы не вмешался директор.

– Потому что окно со двора показалось дворнику закрытым. Мой заместитель зашел, чтобы посмотреть, не закрыто ли оно на задвижку, иначе можно было бы предположить, что в моей лечебнице произошло убийство.

Офицер перевел взгляд на директора, который, подобно Атланту, легко выдержал свалившееся на его плечи небо. Он сам мог кого хочешь задавить своим пристальным, беспристрастным взглядом. После того как полицейский понял, что

с данным субъектом такой метод давления не сработает, он снова обратился к доктору Стенли.

– Окно было закрыто на задвижку?

– Нет. Оно было просто прикрыто. Это ветер...

– Понятно, что не призрак пациента. Кто из вас брал в руки записку?

Оба доктора отрицательно покачали головами.

– Хорошо, – немного смягчившись, сказал офицер, который уже произвел на них впечатление несокрушимого служителя доблестного отряда полиции. – Есть предположения, что там написано?

– Ни малейших, – без колебаний ответил директор. Доктор Стенли решил промолчать.

– В записке написано, что парня утомила жизнь и он желает свести с ней счеты. По-моему, все очевидно, господа! Самоубийство. Прошу предоставить мне отчет, письменное заявление о...

– Офицер, – вдруг перебил его директор. – Вы чувствуете в воздухе запах табачного дыма?

Мужчина глубоко вдохнул носом, хотя этого можно было и не делать.

– Чувствую, а что?

– Почему вы тогда не задали вопрос – курил ли пациент? Я, к примеру, не заметил в комнате ни пачки сигарет, ни пепельницы. Поэтому я задал себе такой вопрос, когда впервые вошел в комнату. Здесь до отвращения воняет дешево-

ми сигаретами.

Оба офицера засмеялись.

– Вы что, детективов пересмотрели, директор? Шерлоком Холмсом себя возомнили?

– Вопрос и вправду хороший, молодые люди, – вдруг про-
бился тихий, но на этот раз более уверенный голосок доктора
Стенли. – Эрих Бэль на дух не переносил сигаретного дыма.
Он у него вызывал тошноту и мог спровоцировать рвоту, это
неоспоримый факт! Странно, что я сам не придавал значения
тому, что в комнате пахнет сигаретным дымом. Я настолько
к нему привык, так как все и везде в этой больнице курят,
что и здесь я воспринял этот запах как должное.

Улыбки сошли с лиц офицеров. И тот, который вел разго-
вор, продемонстрировал прежнюю каменную гримасу.

– У вас пациенты спокойно передвигаются по лечебнице,
курят и делают, что хотят? – обратился он к старику, но на
этот раз ответил ему директор:

– Только под присмотром докторов и санитаров. И не все в
этой больнице могут спокойно передвигаться, буйные – нет.

– Значит, в эту комнату мог войти практически любой па-
циент? Да?

– Именно так.

– Версия самоубийства остается основной. Так как в деле
всегда важны не доводы, а факты.

– Безусловно, – серьезным голосом подтвердил директор,
не выразив при этом на лице ни единой эмоции.

– А факты говорят, что мужчина написал предсмертную записку, а затем выпрыгнул в окно. Неважно, кто накурил в этой комнате. Может быть, курили вы, – офицер демонстративно ткнул указательным пальцем в доктора Стенли.

– Я не курю, – спокойно ответил старик.

– Неважно кто. Вы меня поняли. От вас мне нужен отчет и два заявления...

На этом месте директор снова перебил офицера.

– Учитывая факты, офицер, Эрех Бэль написал свое предсмертное письмо пальцем, так как ручки в этой комнате я не обнаружил. Может быть, ее обнаружили вы? – внимательно посмотрел на своего собеседника мужчина, в чей храм зашли в грязной обуви, нарушая шаткий покой этих стен.

Улыбка вновь появилась на лице офицера.

– Ручка может быть где угодно. В комод. В кармане брюк. Под кроватью...

– Если обнаружите ручку, тогда я не стану строить из себя Шерлока Холмса, но на самые очевидные вещи, офицер, я привык обращать внимание. Это называется логическим умозаключением. Многим психиатрам и думать не надо, чтобы заключить, что если есть письмо, значит, должна быть и ручка, которой это письмо написано. На языке психиатров это прозвучало бы следующим образом – у любого пациента, страдающего душевным расстройством, всегда есть причина этого самого расстройства. И моя главная задача – выяснить эту причину, а не выглядеть в ваших глазах

выскачкой или, как вы сказали, Шерлоком Холмсом, офицер. Это – профессиональное.

– Понятно. – Такое заявление немного сбило с толку каменного человека.

– Я не обнаружил в этой комнате ручку, – уверенно продолжал директор. – А если она внезапно окажется в кармане пациента, то я готов принять ваши доводы, офицер. Даже несмотря на невыносимый запах дешевых сигарет в этой комнате. Действительно, прийти и накурить мог кто угодно перед самоубийством Эриха Бэля.

– Где труп? – задал самый логический вопрос, какой только мог прозвучать в этот момент, старший офицер.

– Он в палате номер девять. На первом этаже, – ответил доктор Стенли, и все присутствующие незамедлительно покинули палату в поисках ручки.

Но ручки в карманах молодого светловолосого мужчины не обнаружили.

– Вы хорошо осмотрели комнату, предположив, что ручки в ней нет? – офицер обратился к директору.

– Там нечего смотреть. Комната маленькая. На кровати – нет, когда открывал комод, то и в нем не было ни карандаша, ни ручки, только станок для бритья, книга «Приют грез», несколько мужских журналов и очки. Под кроватью ручки тоже нет, я посмотрел.

– Я вас услышал. Благодарю за сотрудничество. Можете

вернуться к своим делам. Мы с напарником еще раз осмотрим комнату, а затем наведаемся к вам.

– Как скажете.

И директор с доктором Стенли удалились от двух своих гостей.

* * *

– Теперь понятно, почему вы вели себя немного странно в этой палате... Кстати, спасибо, что...

– Доктор Стенли, – вдруг неожиданно остановился директор и заглянул ему в глаза. – Зачем вы ходили к Эриху Бэлю в палату?

– Я не знаю зачем, директор. Честно, не могу сказать. Просто это все случилось так спонтанно, что я просто не мог поверить в происходящее. Ведь последнее самоубийство в этой клинике, если мне не изменяет память, произошло пять лет назад. Верно? Разве вы не зашли бы из самого обыкновенного любопытства в комнату самоубийцы?

– Из любопытства – нет, а чтобы удостовериться, покончил ли он жизнь самоубийством или ему кто-то в этом помог – да. Но я вам верю. Попадая в подобную ситуацию, трудно понять, как поступить правильно.

– Это точно, – охотно согласился старик.

– Ладно, Стенли, возвращайтесь к своим делам. Напишите им подробный отчет, прикрепите историю болезни и под-

готовьте два заявления, а после принесите мне на подпись. Вы свободны.

И директор оставил своего заместителя у его кабинета, а сам направился навстречу двум своим старым и верным по-другам – тишине и сигаре.

2

Доктор Стенли зашел к директору спустя двадцать минут. Шторы в его кабинете были плотно закрыты, там царила полутьма.

Сигара, как всегда, тлела в пепельнице. Директор внимательно изучал историю болезни Эриха Бэля.

Здесь, в этой обители тишины, директор не думал, нет! Он просто сидел, наслаждаясь сигарой и полумраком.

В редкие мгновения, проводимые в этой часовне замершего времени, директор довольствовался обыкновенным дымом, отсутствием забот и окружающей суеты. Он смаковал секунды одиночества, запивая его полусладкой тишиной, и ему было жаль тратить эти драгоценные секунды на размышления.

Нет, он не думал. Это было единственное место на свете, где директор не строил своих умозаключений, не делал выводов, его не заботило совершенно ничего. Он просто слушал самую прекрасную на свете песню – щебетание мертвых

птиц.

Он слушал, как в пустоте бьется его сердце. Он сам становился пустотой...

– Вы много думаете, директор, – ни с того ни с сего сказал доктор Стенли, вспомнив, как много времени директор проводит наедине с собой.

– Я не думаю. И вам не советую, – быстро ответил человек в белом халате, занимавший самую высокую должность в этой лечебнице.

«Как можно не думать?» – удивился про себя трусливый старик, который никогда в жизни не слышал, как в пустой коробке бьется его собственное сердце.

В этот момент в дверь без стука вошли «желанные гости».

– Ручку в комнате мы не нашли. Но нашли два лезвия, лежавших около самого станка, и на одном из них была засохшая капля крови.

– Ну и что? Порезался, когда брился, – прокомментировал доктор Стенли. Директор молча смотрел на стоявших у двери полицейских.

– Да, мы тоже так подумали, – сказал старший офицер. – Но решили после этого осмотреть тело умершего и обнаружили...

– Попытку суицида. Глубокие порезы на руках, верно?

– Именно, директор, – ответил строгим голосом офицер. – Так что ваши догадки не могут сопротивляться фактам.

– Вы абсолютно правы, офицер, – сказал директор и принялся за сигару.

Широкоплечий мужчина в форме, который всегда прекрасно понимал, смеются над ним в разговоре или нет, подозрительно посмотрел на своего собеседника. На фигуру, сидевшую за столом.

– Я уловил вашу насмешку, – ледяным, угрожающим голосом заявил полицейский.

– Никакой насмешки нет, – спокойно ответил директор. – Вы правы. Все факты указывают на самоубийство. Я забираю свои догадки назад и не хочу, чтобы они фигурировали в этом, как я понимаю, уже закрытом деле.

– Почему-то я вам не верю. Что-то вы все равно держите при себе, какую-то мысль вы от меня утаили. Что это за мысль? И почему в этой комнате так темно? Откройте шторы!

– Не нужно открывать шторы, – немного оживившись, сказал директор. – Мне так комфортно. Я ничего не утаил от вас, офицер. Вы действительно правы, факты – вещь неоспоримая. И я, как человек, анализирующий мир, а не строящий на его счет иллюзии, заявляю вам, что вы правы. Нет никаких причин сомневаться в том, что это – самоубийство.

Первое. Закрытое окно – это, несомненно, работа ветра. Окна достаточно легко открываются и закрываются, их без труда мог закрыть даже самый небольшой порыв ветра. Второе. Ручка! Да, безусловно, свою предсмертную записку

Эрих Бэль мог написать еще вчера, а, может быть, даже позавчера, выбросив потом ручку в мусорную корзину или просто взяв ее у кого-то на время, а затем вернув хозяину. Три. Дым! Дешевый табак в этой больнице используют девяносто процентов курильщиков, и к Эриху Бэлю мог запросто зайти кто угодно и накурить в его комнате. Но тогда возникает вопрос – зачем курить перед человеком, который не переносит сигаретного дыма и смело заявляет об этом? Может быть, кто-то курил против его воли, но за это статьи нет.

Итак, офицер, три совпадения и один только факт – человек, лежащий на холодном бетоне в луже собственной крови, который написал предсмертную записку. Причина самоубийства – его болезнь, из-за которой он и занимал койку в моей больнице.

В чем тут вы могли уловить насмешку?

– Ни в чем, директор. Показалось. Вы – человек умный, а с умными людьми приходится всегда общаться осторожно. Вы меня понимаете.

«Благодарю за комплимент», – сказал бы на это с широкой улыбкой доктор Стенли, расцветший, как вишня в саду, но директор лишь перевел глаза на стол и замолчал.

– Не станем вас больше отвлекать. Труп мы забираем на экспертизу, а от вас требуется только...

Директор протянул через стол два заявления и отчет. Офицер подошел и с довольным лицом забрал их.

– До свидания, надеюсь, больше мы вас не потревожим.

– До свидания, – сказал директор.

Офицеры вышли из его кабинета, а доктор Стенли остался по-прежнему мозолить глаза и посягать на святость секунд, проведенных в безмолвии.

– Доктор Стенли, прошу вас. Идите! – мягко, но напористо сказал директор, взглянув на неуместного зажатого старика, как на малого ребенка.

– Вы соврали им, верно?

– Да.

Директор снова отложил свою смертоносную подругу до того времени, когда, наконец, ему дадут спокойно насладиться ее серой и губительной душой.

– Почему? – посмотрел в недоумении доктор Стенли на своего начальника, которого знал как облупленного. И насмешку которого не мог спутать ни с чем на свете.

– Потому что, как вы и сами заметили, они не заинтересованы разобраться в этом деле.

Директор глубоко вдохнул воздух и растворился во тьме.

– Это почерк, я правильно понял?

Директор поднял брови, его лицо выдавало величайшее удивление.

– Вы меня удивили, Стенли. Да, это почерк. Когда вы заметили?

– После того, как мне разрешили зайти в палату и показать, как именно было закрыто окно, когда я впервые в нее вошел. Ведь окно открывали и закрывали множество раз, а

потому непонятно, как все было изначально!

Тот, самый неприятный, спросил у меня, что именно написано в предсмертной записке, он не мог разобрать одно слово, и я ему подсказал. Действительно, часть слов в записке были попросту непонятны. Но самые важные были написаны очень разборчиво. Чудеса! Затем я покинул палату и отправился к вам с документами на подпись. А вы как поняли, директор?

– Только что, когда изучал историю болезни Эриха. Вы приложили к истории его собственные записи, а потому мне не составило большого труда сравнить его почерк с увиденным в записке. И сделать однозначное заключение, что предсмертная записка была написана кем-то другим. Почерк с волнообразными, загнутыми внутрь крючками, в конце слов буквы уменьшаются... Это почерк убийцы.

– Но кто мог его убить? И за что? Это же вздор... – в замешательстве воскликнул доктор Стенли.

– Может быть, вы?

* * *

– Я? – доктор Стенли чуть было не подавился от возмущения.

– Да, вы, – сказал директор спокойно, чтобы сразу отпала версия, что в комнате стоит кто-то еще, невидимый доктору Стенли.

– Зачем мне его убивать? Вы с ума сошли?

– Вы не можете объяснить причину вашего визита в палату Эриха Бэля. Вы не придали значения сигаретному дыму в палате, хотя знали, что пациент не курит. И вы же, не почувствовавший запаха дыма в палате, вдруг подмечаете различие в почерке. И...

Доктор Стенли не стал дослушивать до конца эти явно издевательские слова, а хлопнул громко дверью, покинув этот темный и мрачный кабинет.

Директор был доволен, предавшись наконец, тишине. Он был рад тому, что полиция остановилась на единственной удобной для нее версии – самоубийстве, так как повторный визит этих двух гостей в его лечебницу он бы стерпел с большим трудом.

Успокоение растекалось по венам директора, мужчина упивался затишьем. Он сосредоточенно изучал историю болезни Эриха Бэля, читая медленно и внимательно, чтобы не пропустить чего-то важного, анализировал регулярные сеансы, ярко описанные лечащим врачом пациента, разговоры доктора и больного. Коренастый мужчина с большими, грубыми руками и толстыми пальцами, перелистывающий сейчас тонкую историю одной человеческой жизни, в эту минуту не думал, нет, а знакомился с бессчетным количеством фактов об Эрихе Бэле.

«Эрих Бэль, двадцать девять лет. Не женат. Детей нет. Рост – метр семьдесят семь. Вес – пятьдесят

килограммов. Телосложение: дистрофическая худоба.

Аппетит слабый. Ест мало и нерегулярно. На дух не переносит сигаретного дыма. Пациент неоднократно жаловался на то, что может потерять сознание, если сделает хотя бы одну затяжку. К пассивному курению относится крайне отрицательно.

Заключение: потеря цветовой и вкусовой гаммы. Постоянная вялость, подавленное состояние. Несколько раз жаловался на жизнь. Мыслями о смерти пациент никогда не делился в присутствии врачей.

Тело чисто, попыток суицида не обнаружено. Разрешено пользоваться одной бритвой и иметь в запасе два острых лезвия.

Диагноз: циркулярная депрессия.

Лечащий врач: Л. Кан.

Дата и подпись».

Директор наслаждался вкусом дыма, перелистнув прочитанную страницу.

«— Доброе утро, Эрих. К вам можно войти?

— Доброе утро, доктор Кан. Входите.

Состояние пациента — безрадостное, хмурое. Было замечено ранее, что его настроение меняется от перемены погоды. Сейчас за окном дождливо и пасмурно.

— Как ваше самочувствие? Сыграем в нарды или у вас есть дела поважнее?

– Сожалею, доктор, сегодня не расположен к играм. Хочу почитать книгу и подумать.

– Что вы на этот раз читаете, Эрих?

– Ремарка.

Есть предположение, что книги Ремарка угнетающе влияют на моего пациента из-за своей депрессивной атмосферы.

– А вы не думали почитать что-нибудь другое? Например, Джерома Клапку Джерома?

– Мне нравится Ремарк, доктор Кан.

– Хорошо. Ничего не имею против! Но вы понимаете, Эрих, что ваше лечение затянулось и что люди, страдающие вашей болезнью, в основном сидят дома, пьют чай и читают книги?

– Да. Этим я и занимался дома. Но теперь я и здесь пью чай и читаю книги.

– Вы принимаете таблетки?

– Да.

– Задерживаете на своем лице улыбку на протяжении одной минуты три раза в день?

Это был мой личный совет, чтобы зафиксировать у него радостное состояние и добиться от пациента оптимистичного расположения духа.

– Нет, доктор Кан. Это глупо.

– А что, по-вашему, не глупо, Эрих?

– Читать Ремарка, пить чай и грустить.

Я заметил присутствие чувства юмора у моего пациента,

несмотря на его подавленное состояние.

– Вы понимаете, что в этой лечебнице лежат и другие пациенты – с более серьезными заболеваниями, чем у вас?

– Они мне не мешают.

Пациент всем своим отсутствующим видом говорил мне, чтобы я оставил его в покое.

– Вам здесь не место, Эрих.

После этих слов я покинул палату Эриха Бэля и продолжил обход».

Директор улыбнулся, отложил в сторону историю болезни пациента и взял в руки телефонную трубку.

– Доктор Стенли, вызовите немедленно ко мне в кабинет доктора Кана.

Заместитель лишь коротко ответил: «Да», так как был зол и сердит на свое начальство за серьезное обвинение.

Спустя пять минут в кабинет пожаловал доктор Кан. Высокий, худощавый человек с болезненным лицом, на котором отсутствовала растительность и решительность. Цвет глаз доктора Кана сложно было разобрать в темноте, но, судя по всему, они были темные.

– Здравствуйте, директор. Вызывали?

– Да.

Если бы в кабинете директора стоял второй стул, то он бы любезно попросил вошедшего гостя на него присесть. Но стула в этой комнате не было, и засиживаться в кабинете ди-

ректора было попросту невозможно. Только если – застаться.

– Вы слышали о сегодняшнем происшествии?

– Конечно, директор. Все доктора только об этом и говорят весь день. Согласитесь, ведь такие случаи в нашей больнице нечасты.

– Вы догадываетесь, по какому поводу я вас вызвал, доктор Кан?

– Разумеется. Я – бывший лечащий врач Эриха Бэля.

– Что вы можете мне сказать о пациенте? Почему он покончил с собой?

– Может быть, Ремарк на него так подействовал, – засмеялся доктор Кан, а затем уловил серьезность на лице директора, и улыбка сошла с его лица. – Представления не имею. Этот человек категорически не мог покончить жизнь самоубийством, – решительно заявил нерешительный человек.

– Вы так смело об этом говорите? – директор просветлел от слов доктора Кана, насупившиеся брови расслабились, и напряжение вмиг сошло с его лица. – Почему?

– Я наблюдал своего пациента на протяжении всего срока его пребывания здесь. Я более чем уверен, что Эрих Бэль, впечатлительный человек, который запросто мог потерять сознание от вида капли крови, от катастрофической непереносимости сигаретного дыма и любой агрессии, направленной в его сторону, не мог выброситься из окна своей палаты.

– Вы с кем-либо делились своими мыслями?

– Нет, директор. Я ношу их целый день при себе и жду, когда меня спросят.

– Если спросят, доктор Кан, то ответьте, что ваш пациент мог покончить с собой из-за отсутствия тяги к жизни. Вам понятно?

– Да, – как-то сразу и без лишних возражений согласился доктор, словно этого только и ждал.

– Благодарю. А что вы мне скажете по поводу глубоких порезов, предположительно лезвием от станка, на руке Эриха Бэля?

Доктора Кана подобное заявление привело в замешательство.

– Я два дня назад лично проводил осмотр Эриха Бэля. Никаких порезов не было. Я написал об этом в отчете, директор...

– Да, я сейчас изучаю ваши труды.

Директор снова пригубил свою сладкую подругу, пленником которой он был, сделав глубокую затяжку. Самое забавное, что и в эту прекрасную секунду, когда дым нежно обволакивал его горло, директор не думал ни о чем. А лишь жадно глотал пепельного цвета воздух.

– Вы хотите мне сказать, что Эрих пытался покончить с собой еще до того, как выпал из окна? – доктор Кан употребил слово «выпал», так как категорически отказывался верить в то, что его пациент мог выпрыгнуть. Скорее, нечаянно выпасть...

– Так говорят факты, доктор Кан, – а затем директор сменил тему разговора: – Как вы думаете, кто мог прийти к Эриху Бэлю в палату и спокойно в ней курить? Вернее, кому он позволял это делать?

– Никому, директор. Абсолютно в этом уверен. Если от доктора пахло табаком, пациент всегда делал замечание по этому поводу и жаловался на внезапный приступ тошноты. Никто не мог зайти в его палату и спокойно при нем закурить. Было бы криков столько, что даже вы в своем кабинете их слышали бы, директор. А что?

– В его палате сегодня было накурено, поэтому я вас и спросил.

– Не может быть. Наверное, полицейские накурили там, когда все осматривали?

– Нет. Было накурено до них, – спокойно ответил директор и сделал затяжку.

– Вот это новости... Но кому понадобилось убивать Эриха Бэля, бесхарактерного и хлипкого человека? Докторам? Пациентам? Это же смешно... – без капли веселья в голосе сказал доктор Кан.

– Отсутствие мотива не исключает убийства. Верно?

– Конечно... – почему-то сказал врач неуверенно, с долей сомнения в голосе. – Но, может быть, это не убийство, директор. Вдруг он действительно выпрыгнул из окна сам, без чьей-либо помощи? Вероятно, он залез на подоконник, чтобы...

– Чтобы что?

– Посмотреть на небо, как вариант.

– А разве на небо нельзя посмотреть, стоя у окна или лежа на кровати? Зачем залезать на подоконник?

Директор в глубине души смеялся, но лицо его оставалось каменным, безэмоциональным. Его веселил тот факт, что стоило произнести вслух слово «убийство», как решительный настрой доктора Кана в ту же секунду иссяк.

Боятся почему-то люди слова «убийство». Оно сразу же обязывает их нести ответственность за каждую сказанную ими букву, словно они начинают давать показания под присягой.

– Не знаю, директор. Ничего не могу сказать... Думаю, Эрих Бэль мог выпрыгнуть в окно. Тем более что на его руках обнаружены порезы. Значит, не так уж тонка кишка у человека, который покончил с тем, на что изо дня в день жаловался. Мой пациент мог покончить с собой, – теперь уже решительно менял показания доктор Кан.

– А что с дымом? Кто мог курить в его присутствии?

– Может быть, он сам и закурил, директор. Знаете, если в горле сидит вся человеческая дрянь, называемая жизнью, то, когда пытаешься покончить со всем, в голову запросто может прийти мысль – а почему бы и не покурить напоследок? Что я теряю? Жизнь, а потому можно и бросить вызов тому, чего я боюсь. Тому, что меня постоянно отравляет. Не знаю, как оно было на самом деле, директор, но идя на вер-

ную смерть, я бы лично не боялся больше змей, и, возможно, перед смертью я их даже потрогал бы. Что мне терять?

Самым странным было то, что директор сам об этом не подумал. Ведь версии доктора Кана исключать было никак нельзя, а, напротив – следовало иметь в виду прежде всего.

Несомненно, Эрих Бэль мог покурить перед тем, как выпрыгнул в окно. Нельзя этого исключать. Но! Тогда следует задать себе вполне логичный вопрос, за который директора снова могли бы засмеять полицейские, назвав его во второй раз Шерлоком Холмсом.

Если Эрих Бэль покурил перед смертью, то где окурок?

Все становилось еще более запутанным, чем было. Директор начал пропускать в свою темницу тишины и покоя первые лучи мыслей.

– Вы свободны, доктор Кан. Если понадобится еще, я вас вызову.

– До свидания, директор.

Доктор Кан вышел из темного кабинета в светлый коридор. И был рад, наконец, тому, что не нужно больше прищуривать глаза, чтобы рассмотреть хоть что-то перед собой.

Когда его собеседник вышел из кабинета, директор незамедлительно взял в руки тот маленький клочок бумаги с номером телефона, который оставил на столе полицейский перед уходом.

– Алло, офицер? Это директор.

– Какой еще директор? – в трубке не узнали его голоса.

– Тот, которого вы назвали сначала Холмсом, а затем – умным человеком.

– А! Здравствуйте, директор, – голос офицера стал приятным и слегка ироничным. – Вы по какому вопросу звоните?

– Вы, когда обыскивали сегодня палату Эриха Бэля, не находили там, случайно, окурок?

– Окурок? – переспросил офицер.

– Да, самый обыкновенный окурок.

– Нет, не находил, а что?

– Хорошего дня, – сказал директор и положил трубку. Затем он набрал другой номер.

– Доктор Стенли, дворник еще не ушел с работы?

– Нет, он работает до пяти, – безразлично ответил старик, который и сам мог бы работать дворником, если бы последовал совету директора и не думал.

Ведь в отличие от директора, доктор Стенли не мог себе позволить такую роскошь.

– Отлично. Пусть его вызовут ко мне в кабинет.

– Хорошо. Сейчас вызову, – сказал без особого энтузиазма заместитель и положил трубку.

Дворник, лет пятидесяти с виду, зашел в кабинет директора без стука. Он теребил в руках свой темный, круглый берет, какой носят свободные художники. Возможно, дворник и сам был художником, но об этом история умалчивает.

– День добрый, директор, – обратился он к силуэту мужчины в полутьме.

– Здравствуйте. Представьтесь, пожалуйста.

– Алан Ко. Работаю дворником в этой лечебнице с момента ее открытия.

– Да, я вас видел, – охотно подтвердил директор. – Вы, когда обнаружили сегодня труп, не заметили окурка на асфальте возле тела пациента?

– Нет. Никакого окурка там не было. И вообще, жуткое зрелище было, директор. – Дворник аж скривился, когда представил вновь утреннюю картину. – В области головы – лужа...

– Не нужно красок, Алан. Я вас хорошо понял.

– А почему вы не откроете шторы? – дворнику было не по себе в темной комнате в то время, когда за окном был солнечный ясный день.

– Мне так комфортно, – коротко ответил директор. – Что-то еще лежало на асфальте возле тела?

– А? – удивился человек с беретом в руках. – Что именно?

– Я это пытаюсь выяснить у вас. Может быть, шариковая черная ручка, спичка или что-то еще. Было хоть что-то еще возле тела Эриха Бэля, когда вы обнаружили труп?

– Нет. Ничего, директор.

– Сколько было времени, когда вы увидели тело?

– Полвосьмого. Может быть, без четверти восемь.

– А во сколько вы сообщили врачам о находке?

– Я уже говорил об этом полиции, директор. Буквально через минуты полторы. Я со всех ног побежал в главный корпус и рассказал все первому встречному санитару. Тот отвел меня к доктору Стенли.

– Что было дальше? – директор внимательно слушал своего собеседника.

– Доктор Стенли выслушал меня и приказал санитару бежать к телу, проверить пульс и доставить в свободную палату на первом этаже. Кажется, в номер... – дворник пытался вспомнить номер палаты.

– Девять?

– Да, девять.

– А куда направился сам доктор Стенли?

– Как – куда? В палату выбросившегося пациента. На четвертый этаж второго корпуса.

– Вы тоже пошли за ним?

– Ну да. А не следовало? – виновато спросил дворник.

Но вместо ответа директор спросил:

– Как вы думаете, Алан, почему доктор Стенли побегал во второй корпус, в палату Эриха Бэля?

Директор никак не мог понять, почему главврач этой больницы совершил такое крайне нелогичное для себя действие. Осмотрел сначала палату пациента, а затем только – труп. Хотя до того места, где лежал труп, было гораздо ближе, чем до палаты.

Почему старик поступил так странно?

– Не знаю, директор. Можно, я закурю? – спросил Алан, увидев, как клубы густого дыма парят в воздухе.

– Какие сигареты вы курите?

– «Льюис Орэ»... А что?

– Ясно. Низкопробный продукт! – заключил эксперт в вопросах курения. – Покурите лучше в коридоре, Алан. На дух не переношу дешевого табака.

Художник, подметающий дворы этой лечебницы с самого ее открытия, ничего не ответил по этому поводу, а лишь продолжал нервно теревить свой берет.

– Вы курили в палате Эриха Бэля, когда вошли с доктором Стенли?

– Нет, я оставил сигареты в пиджаке, в каморке. Но, насколько я помню, там уже было накурено.

– Вы это запомнили, Алан? – удивился директор.

– Да. Потому я и начал искать по карманам пачку своих сигарет, чтобы тоже закурить. Знаете, снять стресс после увиденного на улице...

– Понимаю. А доктор Стенли курил в палате? Или прикасался к чему-нибудь? Может быть, он поднял с пола ручку или окурок? Что он делал там вообще?

Алан задумался, потирая подбородок.

– Нет, он не курил. И ничего в палате не трогал. Он стоял со мной на пороге палаты и смотрел на закрытое окно, а затем сказал: «Не понимаю, почему закрыто окно...»

– Он именно так сказал? – уточнил директор, нюхая свою сигару.

– Да. Он сказал: «Не понимаю, почему закрыто окно», а затем перевел взгляд на меня и приказал не входить в палату и ничего там не трогать, пока не приедет полиция. Да я даже не запомнил номера этой палаты, директор...

– Что было дальше?

– А дальше мы спустились на улицу, труп никто не трогал до прихода доктора Стенли. Санитар ему сразу сообщил, что пульса нет, а затем два санитара понесли тело этого несчастного паренька в палату на первом этаже. В девятую, как вы мне напомнили.

Доктор Стенли поблагодарил меня и разрешил вернуться к своей работе, а также попросил, когда приедет полиция и сделает все свои дела, хорошенько вымыть асфальт, чтобы следов крови на нем не было.

– Вам удалось отмыть пятно?

– Пока нет. Вы как раз меня отвлекли от этого дела, директор.

– Хорошо, Алан. Можете идти. Хотя нет, пойте...

Мужчина к тому времени уже приоткрыл дверь, чтобы уходить.

– Какого цвета туфли были на докторе Стенли, вы не обратили внимания?

– Нет, я не смотрел на его туфли. А что?

– Ничего, просто мне вдруг стало интересно, подмечаете ли вы мелочи, Алан.

– Я могу идти?

– Конечно. Вы, наверное, очень хотите курить.

– Да, хочу.

– ...

Директор разглядывал пустое место, которое образовалось после ухода его собеседника. Дворник был очень умным человеком, по мнению директора, так как решительно не умел думать.

Самому главному человеку в этой лечебнице было приятно общаться с Аланом Ко. Так же приятно, как со стеклянной вазой, сладкой сигарой и деревянным столом.

* * *

Когда директор после работы возвращался в свою квартиру, которая находилась в самом центре этого маленького пустого городка, где людей гораздо меньше, чем мусора на улице, то первым делом принимал теплый вечерний душ. Он

не курил в своей квартире сигару, это было не то место, в котором он мог отключить все свои мысли и утонуть в опьяняющей тишине и нежном дыме.

Его жилье находилось на мансардном этаже старого австрийского дома. В его владениях было три большие комнаты, достаточно просторная, но темная кухня и ванная. Когда-то это был чердак, а теперь – его квартира.

Директор занимал всего одну комнату в помещении, окна его спальни выходили на шумную дорогу и соседний дом, построенный из желтого камня, с большими широкими окнами. Это было здание городской больницы, левую половину которого занимали палаты для пациентов, а правую – молодые практиканты, интерны, которые, в основном, выходили на улицу курить и пили в ординаторской чай.

Директор иногда наблюдал за бурлящей в соседнем здании жизнью, но большую часть времени он просто сидел на своем широком подоконнике и смотрел на проезжающие мимо автомобили.

В его квартире было всего три окна, и все три – арочные. В каждой комнате было по одному окну, а в ванной и кухне – по маленькому окошку, скорее даже – люку, из которого можно было наблюдать за жизнью серой, осыпающейся стены.

Директор в этой квартире не мог не думать. У него этого никогда не получалось здесь. Единственным местом, где он мог предаваться тишине полностью, был его кабинет.

Больше ни одно место на свете не могло избавить директора от навязчивых дум по любому поводу. Почему Эриха Бэля выкинули в окно? Зачем доктор Стенли поднялся сначала в палату, а только после этого осмотрел тело усопшего? Во сколько завтра с утра навестить миссис Норис? Где окурок, где ручка – и миллион других вопросов, которые кто-то задавал директору ежесекундно. Кто-то, кому мужчина приказывал заткнуться и не отвлекать его от тишины.

Директор ненавидел думать. У него была сильная аллергия на мысли. И как только он приходил домой, принимал душ и не мог себя заставить уснуть, мужчина мечтал поскорее вернуться к себе в кабинет и послушать мелодию сломанных духовых инструментов, насладиться хором скончавшихся хористов и раствориться в пении мертвых птиц хоть на одну секунду...

Он любил свой дом и покидал его лишь для того, чтобы еще сильнее его любить.

Ближе к полуночи, когда директор, наконец, смог уснуть и на время победил свои мысли, зазвонил телефон.

– Я слушаю, – поднял трубку сонный мужчина, который заранее возненавидел того, кто ему сейчас звонил.

– Это доктор Стенли, директор. Я сегодня дежурный.

– Неожиданность, – пробубнил сердито в трубку директор.

– Эм. У меня для вас новость, директор. Кое-кто из пациентов видел, как Эриха Бэля выбросили в окно...

Директор выронил телефонную трубку из рук.

3

Мужчина, которого выдернули из сна в первом часу ночи, прибыл в родные стены своей лечебницы меньше чем за двадцать минут, учитывая, что семь минут он потратил на то, чтобы одеться и найти ключи от квартиры.

— Доброй ночи, директор, — поприветствовал его доктор Стенли, когда директор вошел в кабинет своего заместителя. — Но вам не стоило ехать сюда в ту же секунду, пациентка уже спит. И, мне кажется, ее не стоит сейчас будить. А все подробности я бы вам рассказал по телефону. — Старик сделал вид, что улыбнулся добродушно.

— Пациентка?

— Да, мисс Лора. Она столкнулась со мной в коридоре, когда я делал обход. Пациентка, страдающая невротическим расстройством, утверждала, что видела, проходя по коридору мимо палаты Эриха Бэля, как какой-то неизвестный человек стоял у открытого окна и смотрел вниз.

По ее словам, она смогла разглядеть только спину человека, который стоял у окна. Это был не доктор, а если и доктор, то на нем не было халата. Мисс Лора уверенно заявляет, что это был мужчина среднего роста в темной ветровке.

— В котором часу она видела этого человека? Почему она не побежала и не сообщила ничего докторам?

– Она сказала, что полвосьмого, может быть, немного раньше. Она выходила в уборную и одним глазком заглянула в палату своего соседа, а увидела какого-то странного человека, стоявшего у открытого окна палаты Эриха Бэля. При чем самого Эриха Бэля, по ее словам, в палате не было. Затем она пошла спать и только к вечеру услышала от санитаря, что Эрих Бэль был найден мертвым.

– Понятно. Почему тогда по телефону вы мне сообщили, что «кое-кто видел, как мужчину выбросили в окно»? Почему не сказали, как было: что пациентка просто увидела незнакомого человека в его палате?

– Разве, исходя из ее слов, не напрашивается определенный вывод, директор?

– Нет. Женщина не видела, как Эриха Бэля толкнули вниз.

– Директор, если вам будет угодно – приношу извинения за то, что дезинформировал вас. Просто такая мысль пришла сама собой после ее слов. Я сказал, что думал.

– Не думайте больше, пожалуйста. Говорите, что видите.

Директор молча покинул кабинет главврача и пошел к себе. Он уселся поудобнее в свое кресло, зажег свою сигару и растворился...

С первыми лучами солнца, пробивавшимися сквозь плотные шторы, директор открыл глаза. Его охватило приятное предвкушение, каждая клетка его сухого, сбитого тела сгорала от нетерпения познакомиться поближе с пациенткой мисс

Лорой.

Было всего шесть двадцать утра. Оставалось ждать совсем недолго. Тело директора затекло, он встал со своего кресла и начал ходить по комнате.

Спустя несколько кругов бездумного блуждания по темной комнате директор взял трубку телефона и набрал номер.

– Слушаю вас, директор, – донесся знакомый хриплый голос из трубки.

– Доктор Стенли, соберите после обхода врачей все истории болезней пациентов, которые лежат во втором корпусе, и принесите их мне.

– Всех восьмидесяти человек? – переспросил доктор.

– Да, абсолютно всех.

– А зачем?

– Да, еще кое-что! Попросите всех врачей и санитаров написать на листке слово «сожалею» и принесите все эти листки мне.

Доктор Стенли хотел что-то сказать, но только открыл рот, как директор положил трубку. Мужчина, который никого в этой жизни не любил, не ласкал, кроме тишины и сигары, хотел изучить почерк всех пациентов, докторов и санитаров, находившихся в корпусе Эриха Бэля, чтобы сравнить с почерком убийцы. С тем волнообразным, с загнутыми внутрь крючками, почерком.

С пациентами все было просто, их не нужно было беспокоить, образцы почерка каждого пациента есть в истории его

болезни вследствие досконального изучения его личности.

На часах было уже восемь, а палящего солнца можно было не увидеть, только находясь в темном подвале, в гробу, а также в комнате директора.

Но смотрителя «храма мотыльков» не было больше в кабинете, он покинул его еще десять минут назад, чтобы встретиться с мисс Лорой из палаты номер двадцать семь.

– Доброе утро, мисс Лора. Я вам не помешал? – спросил директор, когда переступил порог маленькой палаты, в которой пахло приятными духами и лавандой.

– Нет, не помешали, доктор, – сказала молодая и мило-видная девушка со светлыми густыми волосами до плеч. Ей было двадцать семь лет.

Мисс Лора сидела на аккуратно заправленной кровати, пила чай и внимательно смотрела на вошедшего мужчину.

– Я – директор этой лечебницы. А вы – мисс Лора, правильно я понимаю?

– Да, – кивнула маленькой головкой миниатюрная леди.

– Мне сообщил доктор Стенли, что вчера утром вы видели мужчину в палате Эриха Бэля...

– Видела. Он был ростом, как вы. Может быть, немного худее вас.

– Стрижка?

– Не лысый, но и не волосатый. Наверное, волосы немного длиннее, чем у вас.

– Что делал мужчина в комнате?

Девушка сделала глоток вкусного черного чая с медом.

– Он смотрел в открытое окно, его голова была наклонена вниз.

– В его руке была сигарета? Может быть, он делал затяжку, глядя в окно?

– Нет, такого не видела. Мужчина вроде бы не курил. Просто смотрел вниз. Мне это показалось странным, но мало что в этом здании может показаться не странным, правда, доктор?

– Вы абсолютно правы. Может, вам бросились в глаза еще какие-то детали? Вы что-нибудь еще заметили, что могли бы вспомнить со временем? Нет?

– Нет, директор. Я ничего больше не видела.

– А когда возвращались из уборной, вы заглянули в эту палату снова?

– Заглянула.

– И что вы увидели?

– Ничего, – спокойно ответила девушка и предложила директору присесть на стул напротив нее. Но он отказался.

– Как – ничего? Мужчина в черной ветровке по-прежнему стоял у окна?

– Нет, его там уже не было. Комната Эриха была пуста.

– А вы были знакомы с Эрихом?

– Да, – девушка улыбнулась. – Он ухаживал за мной, даже дарил мне цветы, но я его отвергла.

– Ммм. Что-то еще? Любовные письма? Тайные встречи?

– Нет, – теперь уже девушка засмеялась от смущения. Это крохотное создание было поистине прелестно и очаровательно. И если бы директор был нормальным человеком, а не предавался тишине, то, возможно, он влюбился бы в эту особу и заходил к ней по несколько раз в день.

Но он знал истинную причину болезни этой миленькой пациентки. И понимал, почему она могла отвергнуть молодого и меланхоличного Казанову Эриха Бэля, для которого, возможно, весь мир был безвкусным, кроме нее одной.

– Некоторые доктора писали письма, санитары, а Эрих не писал. Нет, – сказала девушка.

– Вы в наших краях – птица красивая? – почему-то вдруг спросил директор.

– Это вы мне скажите, – произнесла девушка, пристально глядя в глаза мужчине, от которого пахло безразличием и холодом.

Перед ней стоял не мужчина, а некий снеговик.

– У вас хорошо пахнет в комнате. В основном, после сна в комнатах пациентов воздух тяжелый, испорченный.

– Я проветрила комнату, как проснулась.

Директор перевел взгляд на окно, на синее чистое небо.

– Как думаете, мисс Лора, Эрих Бэль мог покончить жизнь самоубийством?

– Нет, директор.

– Почему вы так решили?

– Он слишком любил себя и рассказывал о себе, как о

главном герое любовных романов. Есть вероятность, что до депрессии он мог нравиться кому-то из женщин, но мне он показался странным, ненастоящим.

– Ненастоящим?

– Нет.

– Что это значит?

– Мне почему-то всегда казалось, когда я общалась с ним, что он – двуличный и говорит только то, что мне хотелось бы услышать. Что-то в нем было такое неуловимо противное, даже мерзкое. Вот вроде опрятный, симпатичный молодой человек, а говорит как будто не то, что у него на уме! Не знаю, по крайней мере, у меня сложилось именно такое впечатление о нем. Я могу ошибаться.

– А он курил при вас?

– Нет, никогда. Он на дух не переносил сигаретного дыма, и стоило кому-то из санитаров или докторов закурить недалеко от него, как ему тут же становилось дурно. А что?

– Кто-то накурил в его комнате перед тем, как он разбился. У вас есть соображения, кто бы это мог быть?

– Никаких, доктор. В его присутствии, насколько я знаю, не курил никто.

– Хорошо. А что он еще рассказывал о себе, можете вспомнить?

Девушка допила чай и встала с кровати, чтобы поставить пустую чашку на стол. Директор был выше ее на две головы, крошка была ему по грудь. Мужчина сразу сделал вывод, что

ее рост – 157–160 сантиметров.

Девушка села обратно на кровать.

– Он говорил, что в его жизни было много красивых женщин, как я, и все они были от него без ума.

– Такое заявление не произвело на вас должного эффекта?

– Вы смеетесь, доктор? Ни капли. Напротив! – сказала холодным голосом девушка.

– Что он говорил еще?

– Эрих много говорил о девушках, о Ремарке и о том, что хотел бы меня поцеловать. Но я его отвергла.

– Почему?

– А зачем мне, как говорил один интересный современный писатель, плотно, побывавшее у ног всего мира?

– Он высоко ценил Ремарка?

– Да, даже очень высоко. Тот был его кумиром. Я даже по совету Эриха попыталась прочесть одну книгу Ремарка – «Триумфальная арка», но не осилила ее.

– Почему?

– Просто не моя книга.

– А какая книга – ваша, если не секрет?

– Фицджеральд «Ночь нежна».

Девушке был симпатичен директор, и она отвечала ему охотно.

– У вас богатый отец?

– Да.

В комнате девушки стояло черное пианино, возле него – хрустальная ваза с живыми розами. Ее отец навещал дочь через день.

– Вы выделяетесь, доктор, – вдруг сказала белокурая красавица.

– Чем?

– Да хотя бы тем, что с виду вы – как старое поношенное пальто, которое не до конца съела моль. А внутри вы скрываете что-то цельное, нетронутое.

– Не понимаю. С пальто я все понял. А внутри – это где?

– В глазах.

Директор не совсем понял, что это был самый обыкновенный комплимент от молодой и симпатичной особы, которая была младше его на полтора десятка лет, а потому искал в ее словах подвох.

– Что не так с моими глазами?

– Все так, – улыбнулась Лора. – Они – настоящие, не такие, какие были у Эриха.

По всей видимости, мисс Лора высоко ценила в мужчинах настоящие глаза и серебро в волосах. Интересно было бы взглянуть на ее отца.

– Как я вижу, в Эрихе Бэле вы находили больше недостатков, чем достоинств.

– Это так, – подтвердила она.

– Мисс Лора, пока не забыл, могу я вас попросить написать для меня на чистом листе слово «сожалею»?

– Хорошо, а зачем?

– Я изучаю почерки своих пациентов.

Девушка встала с кровати, подошла к письменному столу и написала слово «прощаю», а затем протянула своей маленькой тоненькой ручкой лист директору.

– Хорошо. Благодарю. До встречи, мисс Лора. Возможно, я еще зайду к вам, если будут вопросы.

– До встречи, директор, – сказала улыбочивая мисс Лора, провожая взглядом спину мужчины.

4

С виду мисс Лора была абсолютно здорова, спокойна, и можно было подумать, что девушка совершенно не нуждается в лечении, особенно в таком месте.

Но была у нее одна проблема. Одна глубокая и трудно искоренимая проблема, которая терзала душу этой юной и очаровательной особы, с виду похожей на ангела. Был один секрет, который знала она, ее отец, ее лечащий врач, главврач этой лечебницы, а теперь и директор.

Эту тайну никому из них не хотелось бы знать, ведь то, что произошло с девушкой, заставляло сердце биться чаще и сильнее от нахлынувшей боли.

Мисс Лору изнасиловали восемь мужчин, и одному только Богу известно, через что прошло это молодое и чистое дитя и как ей удалось после этого выжить.

Ее разбили восемь разных мужчин, которые схватили ее посреди улицы и силой засунули в свой грузовик, когда она возвращалась домой однажды поздней ночью...

Девушка боялась прикосновений. Мисс Лора боялась даже пара изо рта любого мужчины на свете. За год лечения в этой больнице она стала спокойнее и могла даже свободно общаться с представителями сильного пола, если они не подходили к ней близко, а держались на расстоянии нескольких шагов.

Те, кто вынули из мисс Лоры бриллиант и разбили его на миллион кусков, заставляя ее собирать по частям то, без чего на этом свете жить невозможно, остались безнаказанными. Полиция не смогла ничего сделать, лишь выразила сочувствие.

Скорее всего, то были залетные птицы, которых после этого страшного случая никто больше не видел в этих краях.

Директор был удовлетворен разговором с мисс Лорой, хотя ее слова еще больше запутывали это странное и, казалось, абсурдное дело. Кому и вправду пришло в голову убить Эриха Бэля? А самое главное – зачем? Мотив был неизвестен, и без него можно было долго блуждать по темному кабинету, ласкать сигару и переставлять факты с места на место. Но сказанное только что этой маленькой светловолосой женщиной директор начал смело относить к фактам, а не к догадкам.

Он был полностью уверен, что ее изумрудные улыбочивые глаза не ввали ему.

Когда директор покинул палату мисс Лоры и проходил мимо комнаты Эриха Бэля, то остановился у двери и заглянул в прозрачное стекло.

В палате было пусто. Заправленная постель, пара кроссовок у кровати, мятая подушка, словно на ней кто-то лежал, но самое первое, на что обратил внимание директор, – это распахнутое окно.

Мужчина вошел в палату, и снова в его ноздри ударил настойчивый и сильный запах дешевого табака, словно здесь закурили совсем недавно и открыли окно, чтобы выветрить запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.